

ЕВРИПИД**ФИНИКИЯНКИ**

Перевёл с древнегреческого Вланес

ИОКАСТА

Путь прорезающий сквозь толпы звёзд небесных,
на золочёную всходящий колесницу,
взметающий огонь проворными конями,
пресветлый Гелиос, какое горе Фивам
твой луч принёс в тот день, когда из Финикии,
страны береговой, в наш город Кадм явился!
Он взял Гармонию, дитя Киприды, в жёны.
Родился Полидор, а у него, по слухам,
сын Лабдак был рождён, затем родивший Лая.
А я прославлена, как дочь Менекёя,
и мать родимая у нас одна с Креонтом.
Мне имя дал отец. Зовусь я Иокастой.
Лай мужем был моим. Хотя мы жили в браке
немало времени, семья была бездетной.
И к Фебу муж пошёл и умолял оракул
наш брак обогатить детьми мужского пола.
Тот рек: «Правитель Фив, прославленных конями,
не засевай бразду наперекор бессмертным!
Коль сына ты родишь, тебя он уничтожит,
и будет весь твой дом багряной залит кровью».
Но муж, поддавшийся разгульному веселью,
со мною лёг в постель. Когда родился мальчик,
одумался мой муж, и, помня слово божье,
дал сына пастухам, чтоб на равнине Геры,
среди Киферонских скал оставили младенца,
штыри железные вонзив ему в лодыжки,
отсюда эллины зовут его Эдипом.
Дитя табунщики Полибиевы взяли,
в дом царский отнесли и отдали царице.
Она плод мук моих к сосцам своим прижала,
супруга убедив, что родила младенца.
Когда сын возмужал и стал рыжебородым,
то, что-то сам поняв, а, может, и услышав,
отправился искать родителей желанных
в жилище Фебово. Пошёл и Лай, супруг мой,
решившись разузнать о брошенном ребёнке,
живой ли он ещё. Они же повстречались
там, где фокидская расходится дорога.
На сына моего возница Лая крикнул:
«Чужак, посторонись! Тиранам дай проехать!»
А тот с достоинством, безмолвно шёл, и кони
копытами ему лодыжки раскровили.

К чему рассказывать подробности несчастья?
 Отца зарезал сын, а колесницу отдал
 в подарок отчиму, Полибию. Когда же
 душила город Сфинкс, а муж мой был в могиле,
 Креонт, мой брат, велел провозгласить повсюду,
 что разгадавшему загадку мудрой девы
 он в жёны даст меня. И как-то умудрился
 Эдип, мой сын, понять, что песня Сфинкса значит,
 поэтому он стал царём пределов этих,
 и скипетр царский взял, и завладел землёю,
 и собственную мать взял в жёны, горемычный,
 а мать не ведала, что отдаётся сыну.
 Ему я родила двух мальчиков здоровых,
 зовут их Этеокл и Полиник отважный,
 и девочек: одну отец назвал Исменой,
 другую нарекла сама я Антигоной.
 Узнав, что с матерью он браком сочетался,
 Эдип, отведавший всех мыслимых несчастий,
 кровавому подверг свои глаза убийству,
 зрачки застёжками изранив золотыми.
 Чуть щёки сыновей от пуха потемнели,
 отец был заперт прочь, чтоб все его забыли,
 хоть это хитростей потребовало многих.
 Он во дворце живёт. Судьбой своей измучен,
 он предал сыновей гнуснейшему проклятью,
 чтоб этот край они мечом делили острым.
 А те, напуганы, что небо брань отцову
 исполнит, если трон они займут совместно,
 решили сделать так: пусть Полиник, брат младший,
 уедет из страны, а Этеокл пусть правит
 весь год, потом же брат вернётся править на год,
 ну и так далее. Но старший брат присвоил
 бразды правления, и, трон не уступая,
 в изгнанье через год отправил Полиника.
 Подался в Аргос тот, с Адрастом породнился,
 аргивских воинов привёл под наши стены
 и требует, в кольцо взяв город семивратный,
 и скипетра отца, и половины царства.
 Стремясь унять вражду, я сына убедила
 взять перемирие перед началом битвы.
 Глашатай говорит, что сын сейчас придёт.
 О Зевс, блистающий в лазурных недрах неба!
 Спаси нас, благостный! Дай детям примиренье!
 Нельзя ведь, если ты и вправду многоумен,
 чтоб вечно мучился один и тот же смертный!

СЛУГА

Свет дома отчего, царевна Антигона!
 Тебя пустила мать, поддавшись уговорам,
 на самый верх дворца из девичьей подняться,
 чтоб войско аргивян ты лучше разглядела,

но всё равно постой! Мне нужно путь разведать,
нет ли на улице кого-нибудь из граждан,
а то ругательствам и я, как раб, подвергнусь,
и ты, как госпожа. Я всё прекрасно знаю
и расскажу тебе про мой поход к аргивцам.
Я брату твоему носил слова о мире
и вновь пришёл домой с такими же словами.
Никто из горожан у дома не толчётся.
Вставай на лестницу из векового кедра,
оглядывай поля! Над струями Исмена
и Дирки голубой какая толща вражья!

АНТИГОНА

- Тянись же, тянись увядшей рукой
к руке молодой,
дай мне ногу снять с лестницы!
- Сл. Вот, девушка! Держи! Ты вовремя пришла!
Уже задвигалась вся армия пеласгов
и на отдельные расходится отряды!
- Ан. Моя госпожа,
дочь Лёто, Геката! Как медным огнём
всё поле горит!
- Сл. Наш Полинёк сюда не просто так явился,
но с кавалерией, с бряцаньем тысяч копий!
- Ан. Врата на замках, закованных в медь,
надёжно стоят? И впрямь камни стен
скрепил Амфион?
- Сл. Не бойся! В круге стен весь город безопасен!
Вон первый из бойцов. Ты знать о нём желаешь?
- Ан. Кто там в белом гребне стоит,
чтобы армию вести,
щит меднокованный легко подняв рукой?
- Сл. Лохак он, госпожа. Ан. Откуда он и кто?
Рассказывай, старик! И как зовут его?
- Сл. В Микенах, говорят, на свет родился он.
Живёт у лернских вод. То вождь Гиппомедонт.
- Ан. А! А!
Как он кичлив! И страшен на вид!
Безумно схож с земнородным гигантом!
Звездоликий, словно с картины к нам сошёл,
не как прочие смертные!
- Сл. Ты не заметила? Вон переходит Дирку
ещё лохаг! Ан. На нём престранные доспехи!
Кто это? Сл. Вождь Тидей, рождённый от Энея.
Пылает грудь его Арёсом эолийским!
- Ан. Он ведь, старик, Полинёку стал родичем,
после того, как сестру его взял
в супруги себе?
- Сл. Доспехи чуждые! И сам он полуварвар!
Выходят при щитах все этолийцы, дочка,

- и бьются копьями с огромнейшим искусством.
- Ан. Откуда ты, старик, об этом столько знаешь?
- Сл. Те знаки на щитах уже я видел раньше,
для брата твоего неся письмо о мире.
Взглянув на воинов, я их узнал мгновенно.
- Ан. А кто вон там идёт, у Зетовой гробницы?
Он кудряв и сверкает глазами,
этот воин молодой!
Ещё один лохаг? За ним толпа в доспехах,
с оружием в руках!
- Сл. А то Парфенопей, рождённый Аталантой!
- Ан. Пусть же его вместе с матерью стрелами
сгубит, убьёт Артемида, покинув родимые горы,
ведь пришёл он грабить мой дом!
- Сл. Да будет так, дитя! Но с ними справедливость,
и боги, я боюсь, к ним будут благосклонны.
- Ан. Где брат мой родной? Его моя мать
к беде родила!
Старик любимейший, где Полиник? Скажи мне!
- Сл. Там, где покоятся семь дочерей Ниобы,
он у гробницы встал, беседуя с Адрастом.
Теперь ты видишь? Ан. Да, нечётко. Вижу, впрочем,
и силуэт, и грудь. Узнать его нетрудно.
Мне бы облаком стать, быстроногим, как вихрь,
и помчаться по чистому воздуху,
и, бедный мой брат, любимейший брат,
за шею тебя обнять, наконец,
изгнанник родной!
В доспехах золотых как он красив, старик,
сверкая огнём, блистая в лучах солнечных!
- Сл. Придёт он в этот дом, тебя наполнит счастьем,
у нас ведь мир теперь. Ан. А это кто, старик,
умело едущий на белой колеснице?
- Сл. Гадатель, госпожа. Зовут Амфиарай.
- Ан. С ним жертвы, ручейки для почвы кроволюбой.
Дочь Гелиоса, чей пояс – огонь!
Селена, кольцо лучей золотых!
Как статно, умно он водит бодцом,
выравнивая лошадей!
А где же Капаней, глумившийся ужасно
над нашим городом? Сл. Он ходит возле башен
и сверху донизу их взглядом измеряет.
- Ан. Вот как!
Услышь, Немесида! Зевсов огонь,
рокочущий гром, блистающий свет!
Это ты усмиряешь разнузданность наглуую!
Ведь он хотел своим копьём
фиванок пленить и в рабство отдать
микенкам и трезубцу Лерны,
к ручью Амимоны, что Посейдон

Сл. открыл, их согнать волоком!
 Пусть никогда, никогда мне, владычица,
 Зевсова дочь, госпожа златокудрая,
 рабство познать, Артемида, не выдастся!
 Дитя, ступай домой, в дворцовые покои.
 Останься в девичьей. Желание своё
 ты успокоила и всё тут посмотрела.
 Поднялся в городе большой переполох,
 вон женщины толпой идут к воротам царским!
 Суть женщин такова, что любит порицать
 по всяким поводам, пусть даже и малейшим,
 и укрупнять вину. Для женщин сущий рай
 друг дружку поливать позорными словами.

ХОР

Волны Тира покинула
 я, дар лучший для Локсия
 с острова Финикии,
 чтоб в храме Феба служить,
 где под снежными высями,
 у Парнаса живёт он.
 Морем шёл ионическим
 наш корабль, а Зефир скакал
 над бесплодной, растянутой
 сицилийской пучиною,
 музыку превосходную
 в небесах навевая.

Я всем городом выбрана
 в дар прекраснейший Локсию,
 в землю Кадма пришла я,
 отправленная сюда –
 башням Лая мы родственны,
 славный род Агенора.
 Золотым изваянием
 стану Фебу прислуживать,
 ключ Кастальский зовёт меня
 вымыть пышные волосы,
 роскошь девушки, прежде чем
 послужить в храме Феба.

О скала, ярким пламенем
 двух вершин озаряешь ты
 танец дионисийский!
 О лоза, ты льёшь каждый день
 капли сока, давая нам
 из цветка тяжкую гроздь!
 Грот дракона божественный,
 выси гор богоявные,
 склон священный, заснеженный!
 Полететь к хороводам бы

для бога немеркнувшего,
в центр земли, к долам Фебовым,
смело Дирку покинув!

А теперь под стенами
встал Арэс неистовый,
крови, бойни жажда.
Да спасётся город ваш!
У друзей боль общая,
крепость семивратная
делится страданием
с Финикией. Боже мой!
Кровь одна, одни потомки
у Иó родились рогоносной,
вместе с ними стражду я!

Город в плотном облаке
из щитов сверкающих,
образ битвы яростной!
Даст Арэс, познав её,
сыновьям Эдиповым
зло Эриний выстрадать.
Аргос пеласгический,
мощи я боюсь твоей
и богов! Не по неправде
юноша стремится в бой, желая
дом отвоевать мечом!

ПОЛИНИК

Засовы стражников легко меня впустили,
я беспрепятственно в кольцо стены вошёл.
Признаюсь, я боюсь. Поймав добычу в сети,
дадут ли ей уйти, не проливая кровь?
Быть надо начеку, во всё вперяться взглядом,
туда-сюда смотреть, предчувствовать подвох.
Вот этот крепкий меч, рукой моею сжатый,
поможет удержать дух воина во мне.
Эй, кто там! Что за шум? Чего я так пугаюсь?
Всё страшным кажется, когда своей ногой
ступают смельчаки по вражеским пределам.
Я верю матери, и я не верю ей,
она звала меня, манила перемирьем.
Защита, впрочем, есть (тут жертвенник-алтарь
стоит недалеко) и в доме не безлюдно.
Я в недра тёмные вложу пока свой меч
и женщин расспрошу, стоящих возле двери.
Иноплеменницы! Скажите, из какой
в дом этот эллинский вы прибыли отчизны?
Я финикиянка. Там город мой и дом.
Я Фебу послана семейством Агенóра,

Хор

как наилучший дар за воинский успех.
 Когда меня собирал преславный сын Эдипов
 к святыням Локсия, к тем вещим алтарям,
 аргивцы вдруг пошли на город ваш войною.
 Но назовись и ты. Приехал ты зачем
 в страну фиванскую, к твердыне семиустной?

Пол. Отец мой – царь Эдип, сын Лая. Мать моя –
 дочь Менекеева, царица Иокаста.
 В фиванском племени мне имя – Полиник.

Хор Любезный родственник потомков Агенора,
 властителей моих, пославших в путь меня!
 Стою, господин, на коленях я,
 отчизны чествуя обычай!
 Пришёл, наконец, в край ты родной!
 Госпожа! Бегом, госпожа!
 Врата распахни!
 Мать юноши этого, ты слышишь?
 Что медлишь? Зачем из комнат нейдёшь,
 чтоб сына принять в объятья?

Иок. Финикиянок
 я слышала крик и шаткой стопой
 из дома вышла, старая.
 Сыночек милый, сколько дней
 прошло с тех пор, как я тебя
 видала! Обними же мать,
 скорей прижмись к моей груди!
 Дай к локонам твоим, щекам
 припасть! Пусть шею затенят
 мне кудри твои тёмноцветные!
 Ах, как же долго ты не шёл
 в объятья матери, уставшей ждать, гадать!
 Что молвить? Как всем телом,
 руками ли, словами,
 разными движеньями
 в ту сторону и эту,
 танцем вокруг тебя счастье воскресшее выразить?
 Сыночек мой!
 Оставил ты дом отцовский пустым,
 изгнал тебя прочь бессовестный брат!
 Тошно друзьям твоим,
 тошно и Фивам всем,
 а я седину остригла свою,
 в тоскливых слезах её омочив,
 и не в белом отныне хожу я, сынок,
 но чёрный, как скорбь, изношенный плащ
 на теле ношу!
 А в комнате старик, утративший глаза,
 горюет о том, что пара детей
 от дома совсем

отпряглась, и обильные слёзы он льёт,
и то бросается к мечу,
чтоб самого себя убить,
то к балкам тянется с петлёй,
плача по детям!

Так прячется он, стеная, скорбя
во мраке своём!

А ты, сынок, слышу я, женат уже
и в брачных узах счастье стать отцом
познал, живя в чужой стране
и выбрав родичей чужих,
о чём и мать твоя скорбит,
и стародавний Лаев род.

Проклятье чуждых браков!

А я не зажгла законный огонь
на свадьбе твоей,
как должна счастливая мать!

Без гимнов Исмен твой брак заключил,
без роскоши ванн, и в Фивах, когда
невеста вошла, была тишина.

Будь проклят, кто в этом повинен,
меч то, Эриния или родитель твой,
или какой небожитель, сметающий
этот Эдипов дворец!

Томит меня скорбь от бедствий таких!

Хор Боль родов действует на женщин очень сильно

и понуждает их любить своё потомство!

Пол.

Благоразумно, мать, и не благоразумно
пришёл я к недругам, но всякий угнетён
тоской по родине. Кто скажет по-иному,
тот просто любит спор, но думает, как я.

Сжимается душа, я весь дрожу при мысли,
что некой хитростью меня погубит брат,
поэтому с мечом по городу брожу я
и головой верчу. Поддержка мне одна –

наш мирный договор и то, что ты клялась мне,
поэтому я здесь, в кольце отцовых стен.

Сквозь слёзы вижу дом и алтари бессмертных,
гимнасий мой родной, и Дирка вон течёт...

Обманно их лишён, в чужой стране живу я,
потoki горьких слёз туманят мне глаза.

Но боль сменяет боль, когда тебя встречаю
остригшей волосы, надевшей чёрный плащ.

Как мне мучительно нести такое горе
и как ужасно, мать, к родным питать вражду!

Нет разрешения семейному раздору.

Что в доме делает седой родитель мой,
сверля глазами мрак? А две сестры? Наверно,
всё об изгнаннике, страдалицы, скорбят?

Иок. Нешадно некий бог семью Эдипа губит.
Вот первый шаг его: преступна я, как мать,
отец твой, как мой муж, а ты, как плод нечестья.
Что делать! Все должны дела богов терпеть.
Хочу тебя спросить. Боюсь я, что под сердцем
почувствуешь ты боль, но жжёт меня вопрос!

Пол. Тогда и задавай. Не сдерживай ни слова.
Чего ты хочешь, мать, то дорого и мне.

Иок. Сначала я спрошу о вещи самой главной.
Как жить без родины? Большое это зло?

Пол. Неимоверное. Любых рассказов хуже!

Иок. Каким же образом? Что изгнанных гнетёт?

Пол. Одно сильнее всего – там нет свободы слова.

Иок. Таков удел раба – себя не выражать.

Пол. Ещё и потакать властям недальновидным.

Иок. Да, это тяжело – глупеть среди глупцов.

Пол. Чтоб как-то выгадать, раба изображаешь.

Иок. Изгнанник, говорят, надеждами живёт.

Пол. Глаза их светятся, а ноги что-то медлят.

Иок. Не учит ли вся жизнь, что суть надежд пуста?

Пол. В них Афродита есть, вот мы и любим горе.

Иок. А как ты выживал до брака своего?

Пол. Сегодня перебьюсь, а завтра голодаю.

Иок. А что, друзья отца тебе не помогли?

Пол. В достатке надо жить. Друзья бегут от нищих.

Иок. И знатностью своей ты не был вознесён?

Пол. Ад нищенства глубок, а знатность несъедобна.

Иок. Да, смертным родина желаннее всего.

Пол. Насколько это так, не выразить словами!

Иок. Как в Аргос ты попал? Чего ты там хотел?

Пол. Оракул как-то был от Локсия Адрасту.

Иок. Какой? Что ты сказал? Не знаю ничего!

Пол. Что дочери его за льва и вепря выйдут.

Иок. Как эти звери, сын, относятся к тебе?

Пол. Не знаю. Некий дух судьбу мою направил.

Иок. Бог полон мудрости. А как женился ты?

Пол. Стемнело. Я вошёл во внешний двор Адраста.

Иок. Чтоб ночь там провести со скопищем бродяг?

Пол. Всё верно. А потом пришёл другой изгнанник.

Иок. Какой? Наверное, и он хлебнул беды!

Пол. Тидей, Энея сын, как мне потом сказали.

Иок. А почему к зверям Адраст вас приравнял?

Пол. Мы драку начали, не поделив циновку.

Иок. Тогда Талаев сын оракул и постиг?

Пол. Всё так. И отдал нам двух дочерей в супруги.

Иок. А со своей женой ты счастлив или нет?

Пол. До нынешнего дня мой брак был безупречен.

Иок. Но как ты армию сумел увлечь в поход?

Пол. Ты видишь ли, Адраст поклялся нам с Тидеем,
своим зятьям двоим, Тидей ведь мне свояк,

домой нас возвратить, и мне помочь сначала.
 Здесь многие вожди оказывают мне
 услугу скорбную, данайцы и микенцы,
 но я нуждаюсь в ней, на родину напав.
 Клянусь бессмертными: я поднял неохотно
 копьё на милый дом, желающий войны!
 Зависит от тебя развязка этих бедствий.
 Ты, мама, помири своих же сыновей,
 спаси себя, меня, избавь от зла весь город!
 Избита эта мысль, но я её скажу:
 лишь деньги этот мир считает высшим благом,
 они сильнее всего, что есть среди людей.
 За этим я пришёл с десятком тысяч копий.
 Будь ты знатнее всех, без денег ты ничто.
 А вот и Этеокл идёт вступить в беседу!
 Что ж, Иокаста-мать! Тут дело за тобой!
 Поговори с детьми, добейся примиренья!

Хор

ЭТЕОКЛ

Я здесь. Пришёл я, мать, по твоему желанью.
 Ну что ж? Пусть кто-нибудь беседу начинает.
 Я прекратил вдоль стен и у зубцов двукрылых
 народ выстраивать, чтоб нам дела обдумать.
 Я перемирием пошёл тебе навстречу
 и мужу этому войти позволил в город.
 Иок. Постой! Поспешности не знает справедливость,
 а медленная речь к делам приводит мудрым.
 Смири свой злобный взгляд и гневное дыханье!
 Не отсечённую ты голову Горгоны,
 но брата своего перед собою видишь!
 Ты тоже повернись и посмотри на брата,
 давай же, Полинник! Вам, встретившись глазами,
 не только говорить, но слушать будет проще.
 Обоим вам совет хочу я дать разумный:
 когда рассердится на друга друг, потом же
 с ним повстречается, в глаза ему посмотрит,
 то думать надобно лишь о причине встречи,
 а дрязги прошлые не помнить совершенно.
 Ты, сын мой Полинник, начни беседу первым,
 ведь это ты привёл к нам армию данайцев.
 Обижен ты, твердишь. Пусть некий бог рассудит
 все эти бедствия и вам судьёю станет!

Иок.

Пол.

Бесхитростны слова на языке у правды,
 законны доводы, не вспенены витийством,
 вся ценность в ней самой. А речь несправедливых
 недужна внутренне, и ей лекарство – мудрость.
 Покинув дом отца, я проявил заботу
 о брате и себе, чтоб избежать проклятий,
 которые Эдип на нас призвал однажды.
 Уехал из страны я сам, по доброй воле,

дав мужу этому бразды правленья на год,
а после очередь и мне была тут править,
а не тягаться с ним, не приходить во гневе,
терпеть и делать зло, что ныне и случилось.

Он согласился ведь, богами даже клялся,
но слово не сдержал и трон себе присвоил,
единовластие скрепив моею долей.

Однако я готов, приняв моё наследство,
из края этого домой отправить войско
и, нашею страной такой же срок поправив,
отдать её потом стоящему здесь мужу,
не грабя родину, не осаждая башни,
влача к ним лестницы, сколоченные крепко.
Не получив своё, я ведь пойду на это!

Пусть мне бессмертные свидетелями станут:
я правдой действую, не получая правды,
лишённый родины преступнейшим обманом!

Вот, мама. Я сказал, не мудрствуя лукаво,
по делу, всё как есть. Сообразит, надеюсь,
и умник, и простак, за кем тут справедливость.

Хор Мне, право, кажется, хоть я и не в Элладе
была воспитана, что говорил ты веско!

Эт. Когда бы все сошлись в понятии о благе
и здравомыслии, то не было бы споров.
Мы, люди, схожие даём вещам названья,
но действия вещей по-разному мы видим.
Я, мать, про всё скажу и ничего не скрою.
Я к звёздам бы взлетел, в эфире восходящим,
под землю бы сошёл, когда б хватило силы,
чтоб Тиранию взять, главнейшую богиню!
И благо это, мать, я ни за что не стану
другому отдавать, но всё себе оставляю.

Лишь малодушные удел сменяют больший
на меньший. Сверх того, меня тошнит при мысли,
что этот вот боец, придя с мечом нас грабить,
добьётся своего! Грозит позор и Фивам,
когда я пред копьём затрепещу микенским
и скипетр выроню, а тот его поднимет.

Не надо было, мать, при помощи оружия
искать согласия. Решить всё можно словом
не безуспешнее, чем вражеским железом.

Что ж, если хочет он жить дома по-иному,
пускай. Но не отдам свой трон я добровольно.
Неужто мне, царю, в рабы ему податься?

Нет-нет, пылай, огонь! Мечи, долой из ножен!

Узду на лошадей! Все в поле, колесницы!

Вы знайте, что мой трон ему я не оставляю!

Когда без подлости не завладеешь властью,
стань лучше подлецом, а в остальном будь честным.

Хор Не нужно петь хвалу поступкам неприглядным,

Иок.

всё это мерзостно и горестно для правды!
 Ах, сын мой Этеокл, не всем ущербна старость,
 есть опыт у неё, который по сравненью
 с незрелой юностью мудрее рассуждает.
 Зачем Тщеславности, негоднейшей богине,
 кадишь ты, сын? Оставь! Она несправедлива,
 беду она несёт и городам, и семьям,
 войдёт в счастливый дом, а выйдет из развалин!
 Ты ею помрачён. Ты лучше Соразмерность,
 сыночек, почитай! Она друзей с друзьями,
 и город с городом, и род с достойным родом
 связует. Для людей что мерно, то законно,
 тогда как меньшее всегда враждует с бóльшим
 и что ни божий день, то бойню начинает.
 От Соразмерности идёт порядок чисел,
 неслепый глаз ночной сменяет светоч солнца,
 скользя своим путём по циклу годовому,
 без всякой зависти к тому, кто побеждает.
 Когда и день, и ночь так дружно служат смертным,
 ты ль не поделишься своею властью с братом,
 не дашь ему взойти? Где в этом правосудье?
 Несправедливости счастливой, тирании,
 зачем же кланяться и чтить её сверх меры?
 Зачем быть на виду? Бессмысленно всё это!
 Ты хочешь маяться, набив свой дом деньгами?
 В чём «большой твой удел»? Название пустое!
 Разумный человек достаточным доволен.
 Не люди – небеса богатством обладают,
 мы лишь заботимся об их вещах до срока.
 Что надобно богам, они берут обратно,
 а роскошь призрачна и не даёт опоры.
 Ну ладно. Выбирай одно из двух желаний.
 Что хочешь ты? Царить? Спасти любимый город?
 Ты скажешь, что царить? А вдруг ты проиграешь?
 А вдруг аргивский меч копьё кадмейцев сломит?
 Тогда увидишь ты свой город, Фивы, взятым,
 увидишь девушек, во множестве пленённых
 и уводимых прочь терпеть насилье вражье!
 Как разорительно для Фив твоё богатство,
 манящее тебя, такого честолюбца!
 Вот речь моя тебе. Скажу и Полинику.
 Адраст бездумную тебе являет милость
 и ты, не рассудив, пришёл наш город грабить.
 Допустим, не дай бог, ты занял эту землю,
 что за трофей, скажи, ты установишь Зевсу?
 Как жертву ты начнёшь, родной страны захватчик,
 и как ты посветишь дары у струй Ина́ха?
 «Фиванский град спалив, щиты приносит эти
 бессмертным Полиник?» Пусть никогда, сыночек,
 такой средь эллинов ты не получишь славы!

А вдруг не справишься, и он вас одолеет,
как в Аргос ты пойдёшь, оставив груды мёртвых?
Там скажет кто-нибудь: «Ты гиблые помолвки,
Адраст, нам навязал! Из-за одной невесты
пропали мы!» Сыннок! Ты ловишь зло двойное,
и там всё пропадёт, и здесь не совершится.
Смирите вашу прыть, смирите! Два безумства
всегда встречаются к беде наигорчайшей!

Хор О боги, смилуйтесь и отвратите горе,
сынам Эдиповым пошлите примиренье!

Эт. Мать, закончим эти споры, прекратим впустую тратить
нам оставшееся время! Ты усердствуешь напрасно.
Мы согласия достигнем только на моих условиях:
чтобы мне остался скипетр и правление государством,
и увольь меня от этих затяжных увещаний!
Ну а ты иди за стены – или жизнь твою отнимут!

Пол. Кто же? Кто неуязвимый? Пусть попробует, мне в тело
меч убийственный вонзая, избежать такой же смерти!

Эт. Он-то здесь, неподалёку. Что ты мне на руки смотришь?

Пол. Да, смотрю! Богатство подло и за жизнь свою трясётся!

Эт. Что ж ты с целым войском вышел на ничтожнейшего труса?

Пол. Осторожный полководец лучше, чем высокомерный!

Эт. Грубиян! Ты мнишь, от смерти перемирием спасёшься?

Пол. Как и ты! Я повторяю: скипетра и доли царства...

Эт. Никогда ты не получишь! В этом доме я хозяин!

Пол. Нахватался и доволен? Эт. Именно! Покинь мой город!

Пол. Алтари богов отцовых... Эт. Ты же сам пришёл их грабить!

Пол. ...слушайте! Эт. Кому ты нужен, родины своей захватчик?

Пол. Храмы братьев белокожных... Эт. Ненавидящих твой голос!

Пол. Вновь меня из дома гонят... Эт. Сам ты гнать меня решил!

Пол. Боги, как несправедливо! Эт. Кличь богов своих, микенских!

Пол. Нечестивец... Эт. Но не ставший, как и ты, врагом отчизны!

Пол. ...ты меня в бездолье гонишь! Эт. И убью тебя вдобавок!

Пол. Боль мою, отец, ты слышишь? Эт. Слышит, что ты вытворяешь!

Пол. Мать, а ты? Эт. На это имя ты навек утратил право!

Пол. Город мой! Эт. Ступай-ка в Аргос и зывай к воде лернейской!

Пол. Ухожу, не беспокойся! Мать, спасибо! Эт. Вон отсюда!

Пол. Я уйду, но лишь отца мне дай увидеть! Эт. Обойдёшься!

Пол. Ну тогда сестёр хотя бы! Эт. Ты на них вовек не взглянешь!

Пол. Сёстры! Эт. Что ты к ним зываешь, им врагом смертельным ставший?

Пол. Мать, тебе хоть пожелаю счастья! Иок. Сын, куда уж больше!

Пол. Сына ты теперь лишилась! Иок. В бедах я совсем погрязла!

Пол. Как обижены мы страшно! Эт. Но и мне обид хватает!

Пол. У какой ты встанешь башни? Эт. А зачем ты знать желаешь?

Пол. Выйду я на бой смертельный! Эт. Как я встречи этой жажду!

Иок. Горе! Что вы там решили? Дети! Эт. Ты сама увидишь!

Иок. Как Эриний вам отцовых избежать? Пол. Весь дом да сгинет!
Меч мой пущенною кровью не замедлит напитаться!
Но и край, меня вскормивший, и богов прошу запомнить,
что меня отсюда гонят, обесчестив и унижив,

словно раб я, а не так же, как и этот, сын Эдипа!
 Город, если пострадаешь, в том не я, а он повинен!
 Я пришёл не добровольно из невольного изгнания!
 Что же, Феб, хранитель странствий! Что же, дом родной! Прощайте!
 И друзья! И боги в храмах, ждущие овечьей крови!
 Я не знаю, суждено ли мне опять к вам обратиться,
 но не спит надежда в сердце, что при помощи бессмертных
 со злодеем я покончу и взойду на трон фиванский!
 Эт. Вон отсюда! Волей неба дал тебе отец наш имя
 Полиника. Ты и вправду многократных ссор зачинщик!

Хор Тирский Кадм пришёл сюда,
 где не знавшая ярма
 с четырёх копыт телица
 пала, выполняя слово,
 сказанное божеством,
 что он дом поставит здесь
 возле хлебородных нив,
 где вода прекрасной Дирки
 поит свежую траву
 и землю тучную,
 вспаханную глубоко.
 Бромия здесь зачала
 мать, возлѣгши с Зевсом.
 Тóтчас же кудрявый плющ
 такое малое дитя
 роскошными побегам,
 волною зелени на счастье осенил,
 и вакхическому богу
 пляшут, с криком экстаза,
 женщины и девы Фив.

Там дракон Арéсов жил,
 кровожадный, злобный страж,
 над обильными ручьями,
 над сверкающей водою
 множа взгляды зорких глаз.
 Жертвенной воды ища,
 камнем Кадм его убил,
 окровавив лоб дракона
 зверобойною рукой.
 Палладе светлой вняв,
 матери не ведавшей,
 бросил в почву рыхлую
 он драконьи зубы,
 и земля произвела
 корою верхней дивный сонм
 вооружённых воинов,
 но их домой вернул жестокосердный бой,
 омочивший кровью землю,

их явившую солнцу
и небесным ветеркам.

И тебя, праматерью
Ио́ рождённого,
я зову, Эпафа, Зевсова потомка,
криком варварок,
ио́,
варварской мольбой!
В этот край приди, приди,
это дом семьи твоей,
соимённых плод богинь,
Персефассы и родной
Деметры божественной,
всевластной,
Геи, кормящей всех!
Богинь ты огненосных приведи,
вступишь за нашу землю,
для бессмертных всё легко!

Эт. Ступай и пусть придёт Креонт, сын Менекея,
брат матери моей, царицы Иокасты.
Скажи, что о делах мне хочется домашних
и государственных спросить его совета,
пока не начат бой, не выровнены копья.
Однако он отвёл от ног твоих работу
и к дому моему, я вижу, сам подходит.

КРЕОНТ

Я всё тут исходил, тебя найти стараясь,
владыка Этеокл! Все Кадмовы ворота,
всю стражу обошёл, охотясь за тобою!

Эт. И мне была нужда тебя, Креонт, увидеть.
Я перемирие нашёл весьма ущербным,
когда поговорил душевно с Полиником.

Кр. Я слышал, он умом над Фивами вознёсся,
родством с Адрастом горд, на армию надеясь.
Однако мы должны богам всё предоставить,
а я пришёл сказать о самом неотложном.

Эт. О чём же? Я ещё не знаю ничего.

Кр. Поймать нам удалось аргивского солдата.

Эт. Какие новости он сообщает нам?

Кр. Что войско аргивян решило город Кадмов
немедля сжать в кольцо и окружить все башни.

Эт. Кадмейцам надобно за стены выходить.

Кр. Куда? Ты молодой, а так неважно видишь?

Эт. За ров мы выбежим – и сразу на врага!

Кр. Нас мало в городе, а их не сосчитаешь.

Эт. Я знаю, что они храбры лишь на словах.

Кр. Но эллины не зря повсюду славят Аргос!

Эт. Мужайся! Скоро я всё поле обагрю!
 Кр. Оно неплохо бы. Но, вижу, труд огромен.
 Эт. Бойцов за стенами не стану я томить!
 Кр. От здравомыслия успех в бою зависит.
 Эт. Ты хочешь, чтобы я иных путей искал?
 Кр. Да, всех. А уж потом и царство на кон ставил.
 Эт. Что если ночью их в засаду заманить?
 Кр. Да, если ты потом до дома доберёшься.
 Эт. Ночь любит равенство и служит храбрецам!
 Кр. В кромешной тьме легко на горе напороться.
 Эт. А, может, нападём, когда они едят?
 Кр. Ты удивишь врагов, а нам нужна победа.
 Эт. И Дирка глубока, не просто отступить...
 Кр. Нет блага лучшего, чем осторожность в деле.
 Эт. Что если конницей аргивский лагерь смять?
 Кр. Там колесницами враг плотно отгорожен.
 Эт. Но что же делать мне? Страну врагам отдать?
 Кр. Ни в коем случае. Ты думай, если мудрый.
 Эт. Какой же замысел разумней остальных?
 Кр. Там семеро мужей, мне как-то говорили...
 Эт. Что им поручено? Число невелико!
 Кр. ...отряды подвели к семи воротам нашим.
 Эт. Как быть? Я не хочу сидеть и ждать беды!
 Кр. Ты тоже семерых определи к воротам.
 Эт. Дать каждому отряд? Одних отправить в бой?
 Кр. Отряды им назначь, и выбери храбрейших.
 Эт. Я понял. Кольца стен от штурма защищать.
 Кр. И вместе править бой. Один всего не видит.
 Эт. За смелость выбрать их? За хладнокровный ум?
 Кр. За оба. Ни одно не ценно без другого.
 Эт. Ну что же, я тогда семь башен обойду,
 лохагов у ворот, по твоему совету,
 поставлю столько же, как у врагов моих.
 Сейчас нет времени назвать их поимённо,
 ведь недруги стоят у самых наших стен.
 Пойду я, чтоб рука в бездействии не стыла.
 Хотел бы с братом я сойтись лицом к лицу,
 сразить его копьём в сражении открытом,
 убить захватчика, вошедшего в мой дом!
 А брак сестры моей, царевны Антигоны,
 и сына твоего, Гемона, если я
 паду, ты сам устрой. Я ныне подтверждаю
 своё ручательство, идя на смертный бой.
 Брат матери моей, чего ещё добавить?
 Заботься о сестре в честь нашего родства!
 Отец мой заслужил название безумца,
 себя же ослепив. Я это не хвалю.
 Возможно, он всех нас проклятьями погубит.
 Одно я упустил: Тиресия спросить,
 птицагадателя, не скажет ли какое

нам прорицание. Я сына твоего,
 которого зовут по деду Менекеем,
 пошлю позвать сюда Тиресия, Креонт.
 Он радостно придёт поговорить с тобою,
 а на меня он зол, ведь я критиковал
 в его присутствии искусство прорицанья.
 Я город и тебя прошу ещё, Креонт:
 коль верх я одержу, вы тело Полиника
 не смейте погребать в земле родимых Фив!
 Кто погребёт – умрёт, пусть и родня он брату!
 Вот речь моя тебе. А слугам я скажу:
 несите мне сюда оружие и доспехи
 для предстоящего сражения копьём,
 пусть дело правое дарует мне победу!
 Предосторожности, нужнейшей из богинь,
 молюсь я, чтоб она спасла любимый город!

Хор О, многотрудный Арес, почему тебя
 манят убийство и кровь? Что ж на Бромиев пир ты не ходишь?
 В круге увенчанных дев, начинающих танец прекрасный,
 пряди волос распустив, под вздохи свирели не вторишь
 музыке, дому Харит грациозных,
 но копьеносных бойцов, рать аргивскую посылаешь
 резать фиванцев,
 пляску ведя не под звуки свирелей.
 С тирсом не кружишься ты, облачившись в небриду,
 тут колесницы тебе, четверицы копыт, лягг уздечек –
 всё ты мчишь по исменским потокам,
 взбитым конницей резвой, род посеянный бросив
 на аргивян,
 люд щитоносный, гремящий оружием,
 выстроенный вдоль стены многокаменной,
 весь закованный в медь.
 Точно, богиня Эрида чудовищна,
 в горе она погружает владения
 бедствующих Лабдакидов!

Священнолиственный дол, вольный дом зверей,
 ты Артемидой любим, Киферон, нас питающий снегом,
 если бы только тобой не был выкормлен сын Иокасты,
 плод нежеланный, Эдип, на смерть унесённый из дома
 с меткой булавок тугих, золочёных,
 если бы девственный зверь не слетел с горы, чтобы мучить
 скорбное царство,
 Сфинкс, песни певшая, мерзкие Музам,
 и Кадмов род в четырёх уносившая лапах
 вдоль этих стен городских к неприступному свету эфира,
 насланная подземным Аидом
 на кадмейцев! А ныне расцветает иное –
 вражда сынов

дома Эдипова, город объявшая!
 Благо от зла никогда не рождается,
 незаконны вовек
 дети, плод скверны, рождённые матерью,
 с единокровным отцом возлежавшую,
 <чрево наполнив проклятьем!>

Некогда ты родила, Земля
 (варварский этот рассказ я узнала, услышала дома)
 от звероеда лесов, монстра с пурпурным гребнем, дракона,
 племя оживших зубов, для фиванцев упрёк превосходный!
 Некогда боги на свадьбу Гармонии
 с неба сошли, Амфион заиграл на форминге, и стены
 город сомкнули кольцом, и восстали над Фивами башни
 на полоске земли между рек-близнецов,
 там где Дирка пойт зеленеющий дол,
 не скупясь, пред встречей с Исменом.
 Позже Иó здесь, праматерь рогатая,
 род основала кадмейских властителей.
 И в достижениях, друг друга сменяющих,
 город окреп и стоит
 у обрыва войны, украшенный
 венками Ареса.

ТИРЕСИЙ

Веди же, дочь, меня! Слепой моей стопе
 ты – глаз, как морякам сияние звезды.
 Направь мой след сюда, где почва чуть ровнее.
 Иди, не дай упасть! Отец твой слаб совсем.
 Рукою девственной таблички сохрани,
 которые я взял, внимая крикам птичьим
 в святилище моём, где прорицаю я!
 Ты, юный Менекей, Креонтов сын, скажи,
 как долго мне идти по улицам до встречи
 с твоим родителем? Колени затекли,
 и частые шаги мне множить нелегко.

Кр. Мужайся! Здесь друзья! Причаливай, Тиресий,
 как в гавань тихую! Веди его, сынок!

Старик нуждается в предложенной руке,
 подобно женщине, сходящей с колесницы.

Тир. Ну вот я и пришёл. Что звал меня, Креонт?

Кр. О том успеется. Ты силы наберись,
 немного подыши, передохни с дороги!

Тир. Да, я и впрямь устал. В краю Эреhteид
 я был, и лишь вчера вернулся в дом родной.
 И там была война, с дружинами Эвмолпа.
 Сынам Кикроповым победу я предрёк
 и золотой венец, как видишь, получил,
 наиценнейший дар из воинских трофеев.

Кр. Примета добрая – победный твой венец!

Нас носит по волнам, об этом знаешь ты,
 данайцы нас теснят, беда грядёт на Фивы.
 Уже царь Этеокл, в доспехи облачён,
 отправился на бой с державою микенской,
 меня же он прислал, чтоб у тебя узнал я,
 что лучше сделать нам, чтоб город наш спасти.

Тир. Для Этеокла я свой рот бы затворил,
 прервав пророчества, но коли ты желаешь,
 скажу. Страна больна давно уже, Креонт,
 с тех пор как Лай отцом стал бедному Эдипу,
 супругу матери, наперекор богам.
 А вырыванье глаз из их орбит кровавых –
 то боги сделали в пример Элладе всей.
 Сыны Эдиповы беду свою на время
 сокрыть надеялись и спрятать от богов,
 греша в невежестве, отца лишая чести,
 замкнув его на ключ! Они вогнать сумели
 страдальца в гнев такой, что он на них проклятья
 изверг ужасные, и страждя, и стыдясь!
 Я сделал всё, что мог, я всё сказал, что думал,
 и ненавистен стал Эдиповым сынам!
 Теперь убить, Креонт, им суждено друг друга.
 И трупов множество на трупы упадёт,
 кадмейцев, аргивян, одной смешавшись грудой,
 и стоны горькие зальют фиванский край,
 и ты, несчастный град, падёшь со всеми вместе,
 когда в мои слова не вслушаетесь вы!
 Нельзя ни одному из сыновей Эдипа
 ни гражданином быть и ни царём страны,
 в них демоны сидят, они разрушат город!
 Но так как зло сильней и блага, и добра,
 нам способ дан один, несущий избавленье,
 однако мне о том опасно говорить,
 и горек этот путь тому, кто избран роком
 питьё спасения отчизне поднести.

Пойду-ка я. Прощай! Приму я с остальными
 свой жребий, если так. Что сделать я могу?

Кр. Повремени, старик! Тир. Меня не трогай лучше!

Кр. Постой! Чего бежишь? Тир. Твой рок бежит, не я!

Скажи, как нам спастись, и городу, и людям!

Тир. Ответа требуешь, а будешь ведь жалеть!

Кр. Как можно не хотеть спасти свою отчизну?

Тир. Тебе действительно не терпится узнать?

Кр. Чего ещё желать, к чему ещё стремиться?

Тир. Ну что же, выслушай пророчество моё!

Но нужно мне сперва узнать определённо,
 где сын твой, Менекей, что вёл меня сюда.

Кр. Он тут, недалеко, стоит с тобою рядом.

Тир. Пускай от уст моих подальше отойдёт!

Кр. Он сын мой, и молчать о слышанном сумеет.

Тир. Предпочитаешь ты, чтоб я сказал при нём?
 Кр. Он будет рад узнать, как нам в живых остаться!
 Тир. Ну, слушай о пути провидений моих!
 Ступив на этот путь, вы Кадмов град спасёте.
 Убить за родину ты должен Менекея.
 Да, сына твоего! Свой рок ты сам накликал!

Кр. Что-что? Старик, очнись! Ты что такое мелешь?
 Тир. Сказал я всё, как есть. Ты должен это сделать!
 Кр. В слова немногие так много зла вместилось!
 Тир. Тебе и вправду зло, а родине спасенье!
 Кр. Не слышал я тебя, не слушал! Падай, город!
 Тир. Наш воин сам не свой. Всё мужество утратил.
 Кр. Иди, старик, иди! Не нужно мне пророчеств!
 Тир. Погибла ль истина, когда ты стал несчастным?
 Кр. Коснусь колен твоих и седины почтенной...
 Тир. Чего ты льнёшь? Смирись! Беда неотвратима!
 Кр. Молчи! Не говори об этом горожанам!
 Тир. Ты кривды требуешь? Я рот свой не закрою!
 Кр. Ты что же сделаешь? Ты сына уничтожишь?
 Тир. То городу решать, а я сказать обязан!
 Кр. Но как нам с мальчиком такое зло досталось?
 Тир. Ты верно поступил, потребовав ответа.
 В пещерах, где дракон, землёю порождённый,
 жил стражем чистых вод, вливающихся в Дирку,
 да встретит сын твой смерть, чтоб кровью дать напиться
 Земле за древний гнев Арёса против Кадма,
 за землеродного отмщающий дракона.
 Тогда союзником Арес вам точно будет.
 Прияв же плод за плод и кровью человеческой
 смыв кровь змеиную, к нам станет благосклонной
 Земля, нам урожай спартанцев златошлемных
 взрастившая. Итак, погибель ждёт потомка
 людей, рождённых встарь от челюсти драконьей.
 Остался ты один из рода тех спартанцев!
 И мать твоя с отцом до капли чистокровны,
 и сыновья твои! Гемона от закланья
 спасает брак его, ведь он уже не холост
 и, хоть не знал жены, но ходит обручённый.
 А вот жеребчик твой не связан, и за город
 он сможет умереть и край родной избавить.
 Он в горький путь домой Адраста и аргивцев
 пошлёт и застелит им очи чёрной скорбью,
 а Фивам славу даст. Из двух судеб любую
 бери: пусть либо сын спасётся, либо город!
 Я всё тебе сказал. Пойдём отсюда, дочка!
 Веди меня домой! Напрасно мы гадаем
 по жертве огненной. Несчастья возвещая,
 мы делаем врагов из тех, кому пророчим,
 а если иногда и лжём из состраданья,
 то лишь гневим богов. Пускай бы Феб единый

Хор пророчил для людей. Ему никто не страшен.
 Креонт, что ты молчишь, ни слова не роняешь?
 Не менее, чем ты, потрясена я этим!

Кр. А что мне говорить? Мне всё и так понятно.
 Я никогда себе не поврежу настолько,
 чтоб сына своего закласть за этот город.
 Все люди таковы. Своих детей все любят,
 ребёнка своего никто не даст убийцам.
 Не нужно мне хвалы, детей моих губящей.
 Я сам уже достиг вершины этой жизни
 и умереть готов за родину охотно.
 Давай, сынок, беги, пока не знает город,
 беги от этих злых, разнузданных пророчеств!
 Скачи во весь опор, забудь про эту землю!
 Он это всё властям и полководцам скажет,
 лохагов известит, пройдя к семи воротам!
 Нам нужно действовать, в проворности спасенье!
 Помедлив, пропадём, и ты тогда погибнешь!

МЕНЕКЕЙ

Кр. Куда же мне бежать? В чей город? В чьё семейство?
 Мен. Покинь страну, беги, лети как можно дальше!

Кр. Твой труд – приказ давать, а мой – повиноваться.
 Мен. Ты, Дельфы миновал... Мен. Куда, отец, направлюсь?
 Кр. ...скачи в Этолию. Мен. Ну а потом, оттуда?
 Кр. К теспротам уходи. Мен. К святым камням Додоны?
 Кр. Вот именно. Мен. А мне какая там защита?
 Кр. На бога полагись. Мен. Но где найду я денег?
 Кр. Я денег дам тебе. Мен. Ну что ж, отец, прекрасно.
 Ступай, а я схожу сестру твою проведать,
 дававшую мне грудь когда-то, Иокасту,
 когда младенцем я без матери остался.
 С ней попрощаюсь я, да и начну спасаться.
 Иди же, хорошо? Задержек нам не нужно.
 Как ловко, женщины, я страх отца развеял,
 своих намерений ему не раскрывая!
 Губя свою страну, меня он прогоняет,
 как труса жалкого! Ему простится это,
 ведь он уже старик, а где же мне прощенье,
 предателю страны, на свет меня родившей?
 Вы знаете: я пойду, спасу свою отчизну
 и душу положу за город свой родимый!
 Ведь стыдно. Хоть других оракулы не гонят
 и воля божества не принуждает к битве,
 они, сомкнув щиты, стоят, готовы к смерти,
 у башен городских, защитники отчизны,
 а я, предав отца, предав родного брата
 и город мой родной, сбегу, как трус последний,
 и где, в какой стране избегну я презренья?
 Нет! Слушай, звёздный Зевс! И ты, Арес кровавый,

который властвовать поставил тут спартанцев,
 возросших некогда над этою землёю!
 Взойду на стену я, у самой кромки встану
 и заколю себя над логовищем чёрным
 дракона, как о том поведал прорицатель,
 и землю искуплю! Довольно разговоров!
 Пошёл я, смертный дар для города готовя,
 нескудный этот дар спасёт нас от проклятья!
 Когда бы каждый мог, по мере сил душевных,
 со здравомыслием, о всех равно заботясь,
 служить своей стране, то стало в городах бы
 гораздо меньше зла, и всем бы счастье было!

Хор Пришла, пришла
 дочь Земли крылатая,
 плод мертвенной Ехидны,
 грызть детей Кадмовых
 среди многих стонов, многих бед!
 Полудева ты,
 чудо хищное,
 плещешь крыльями,
 рвёшь когтем плоть сырую!
 С плёсов диркейских ты
 краля парней когда-то
 своей безлирной песней!
 Эринию ты злую
 привела, привела в край родимый, под стон
 гибельный! Гибельный, верно, бог
 это всё устроил!
 Плач безутешных матерей
 и девушек надрывный плач,
 в комнатах звучащий!
 Печальный, неуёмный крик,
 неутихающая песнь
 здесь и там звучали скорбно,
 слышались за твердью стен!
 Стоны и рыдания,
 как раскаты грома,
 мчались вслед крылатой деве,
 уносившей юношу из града!

И вот пришёл
 Пифией к нам посланный
 Эдип многострадальный
 в землю Фив, к радости
 сначала, а потом к беде!
 С матерью вступил
 он в позорный брак,
 бедный юноша,
 загадку разгадавший,

скверной пятная град,
 в чреду злодейств кровавых
 детей своих ввергая
 хулой своею, бедный!
 Восхищаемся мы, восхищаемся мы
 юношей храбрым, избравшим смерть
 за родную землю,
 Креонту оставляя плач,
 но семибашенным стенам
 принося победу!
 Таких родить бы нам детей,
 навек в них счастье обрести,
 свет-Паллада! Метким камнем
 змёю ты пустила кровь,
 понуждая Кадма
 приступить к работе,
 разорившей эту землю
 некоего демона проклятьем!

ВЕСТНИК

- Эй вы, привратники! Есть кто-нибудь на страже?
 Откройте! Из дворца зовите Иокасту!
 Да слышите же вы! Что медлите? Живее!
 Приди, услышь меня, жена и честь Эдипа!
 Довольно сетовать! Уйми поток рыданий!
- Иок. Дражайший, ты пришёл не с горестной ли вестью,
 что мёртв мой Этеокл, с которым щит смыкал ты,
 лавине вражьих стрел дорогу преграждая?
 Какое новое принёс ты сообщение?
 Жив сын мой или мёртв? Ответь же поскорее!
- Вест. Он жив, не трепещи! Я этот страх развею!
- Иок. А башни держатся? Все семь? А стены целы?
- Вест. Весь город невредим! Не шелохнутся стены!
- Иок. Они в опасности от воинства аргивцев?
- Вест. Да, был такой момент, но наш Арёс кадмейский
 сумел преодолеть микенское оружие!
- Иок. Молю бессмертными, скажи, что с Полиником?
 Одно хочу я знать: он видит это солнце?
- Вест. Живут и здравствуют покамест оба сына!
- Иок. Благодарю тебя! А как же вы аргивцев,
 хоть осаждённые, так ловко отразили?
 Скажи! Я брошусь в дом и старику слепому
 спасенье возвещу! Как рад он будет, бедный!
- Вест. Когда Креонтов сын, за дом наш погибая,
 на кромке башни встал, и меч с обмоткой чёрной
 вонзил себе в гортань, и город этим спас,
 твой сын к семи вратам направил семь отрядов,
 за аргивянами велел следовать лохагам,
 и в кавалерию добавил свежих сил,
 и щитоносцами расширил строй гоплитов,

чтоб, если вдруг стена под натиском поддастся,
бойцов хватило бы. С высоких башен мы
на белые щиты аргивские глядели,
с Тевмеса сползшие и, кромки рва достигнув,
метнувшиеся вдруг на наш кадмейский град!
Пэ́ан и пенье труб слились в одно звучанье,
летя из вражбых туч и с наших стен высоких.
Врата Не́йтские сначала осадил
отрядом, вздыбленным щитов щетиной плотной,
герой Парфенопей, охотницей рождённый,
блистающий щитом с эмблемой родовой –
вепрь этолийский там, убитый Аталантой
потокот дальних стрел. А жертвенных животных
вёз к Претовым вратам пророк Амфиарай,
на колесницу встав, и щит его широкий
не раздражал врагов кичливою эмблемой.
А вождь Гиппомедонт у Огигийских врат
к нам щит свой повернул, где на эмблеме в центре,
покрыт кругами глаз, Паноптес устремляет
одни из них на свет всходящих в небо звёзд,
другими же следит за теми, что заходят,
но будут видимы, когда их страж погибнет.
Гомолойдские врата же штурмовал
Тидей, и шкурой льва был щит его украшен,
со вздутой гривой. В своей деснице факел
он нёс, чтоб город сжечь, как Прометей-Титан.
А сын твой Полиник подвёл к вратам Кренейским
Ареса грозного, и на щите нёс образ
потнийских кобылиц, бегущих во всю прыть.
Он изнутри щита их двигал рукояткой
и ставил на дыбы с умением немалым.
Сраженья жажда не меньше, чем Арес,
к Электриным вратам вёл Капаней отряд свой,
отлит был на щите его железноспинном
гигант, дитя земли, на плечи город весь
взваливший, разломав его фундамент ломом,
давая нам понять, что́ с городом случится.
А у последних врат, седьмых, стоял Адраст,
и сотнею гадюк был щит его расписан,
он будто гидру сжал своей рукою левой,
знак славный аргивян, гадюки же со стен
зубами цепкими тащили род кадмейский.
Успел я разглядеть всех воинов подробно,
пока давал вождям условленный сигнал.
Сперва мы луками сражались, и метали
ремнями дротики, и хлёткими пращами
вздымали град камней, и бой уже был наш,
когда вдруг и Тидей, и сын твой закричали:
«Сыны данайские, пока ещё мы целы,
а не наляжем ли все вместе на врата,

гимнеты, всадники, бойцы на колесницах?»
 Услышав этот крик, никто уже не медлил,
 и много полегло с пробитой головой,
 и многих наших ты видала бы, летящих
 на землю вдоль стены, как неких акробатов,
 чтоб кровью напоить засохший рот земли.
 Сын Аталанты там, аркадец, не аргивец,
 как смерч, качал врата, зовя огонь палящий,
 кирки двузубые, чтоб город сжечь, разбить,
 но гнев его пресёк Периклимён, сын бога,
 властителя морей, и сбросил с прясла камень,
 огромный, точно воз, на голову врага
 светловолосую, и череп раскололся
 по швам, и винный цвет, ещё недавно щёки
 жививший, алым стал. Не встретит сына мать,
 та дочь Меналова, с великолепным луком.
 Увидев, что врата стоят надёжно, мчится
 к другим вратам твой сын, а я вослед за ним.
 Я вижу, как Тидей и толща пехотинцев
 на башни, меж зубцов, рой копий этолийских
 бросают мастерски, защитников гоня
 с твердынь вознёсшихся, но сын твой их сзывает,
 как ловчий – псов своих, и расставляет снова
 у башен. К остальным рванулись мы вратам,
 едва лишь бедствие от этих отвратили.
 Как опишу тебе безумство Капанея?
 Он лестницу таскал, похожую весьма
 на шею длинную, хвалясь, что сам священный
 огонь Зевесовый ему не помешает
 весь город сокрушить, все башни развалить!
 Он это выкрикнул, от каменного ливня
 скрываясь под щитом, и, гладкие ступеньки
 ногами меряя, карабкался наверх.
 Уже добрался он до выступа стенного,
 а Зевс как молнию метнёт в него! Взгремела
 земля, всех страх объял, и с лестницы герой
 скатился кубарем, конечности ломая,
 копной волос в Олимп, а кровью в землю метя,
 как Иксион, крутясь лавиной рук и ног,
 и навзничь падая смердящим, чёрным трупом!
 Адраст, увидевши, что Зевс враждебен войску,
 за ров немедленно всех аргивян увёл,
 а наши, Зевсов знак благоприятный видя,
 метнулись из ворот всем скопом – колесницы,
 гоплиты, всадники – и гущу аргивян
 как вспорют копьями! Все беды тут случились,
 всё сшиблось в гиблый ком и с колесниц низверглось,
 колёса прыгали, об ось дробилась ось,
 на мёртвых мёртвые валялись терпкой грудой!
 Смогли мы отвратить погибель наших башен

- на день сегодняшний, но повезёт ли нам
и всей стране потом, на небесах лишь знают,
страну ведь и сейчас какой-то бог избавил.
- Хор Победа хороша, и если боги к нам
начнут благоволить, мне тоже будет счастье!
- Иок. Нас не оставили ни боги, ни удача!
И дети здравствуют, и город мой спасён!
Креонта только вот мой давний брак с Эдипом
отведать вынудил прегорького напитка.
Он, сына потеряв, стал в городе велик,
а дома у себя несчастен. Но скажи-ка,
что мальчики мои сейчас решили делать?
- Вест. Зачем тебе? Оставь! Тебе пока везло!
- Иок. Как странно ты сказал. Теперь я не отстану!
- Вест. Ты хочешь большего, чем благо сыновей?
- Иок. Услышать я хочу, что и меня ждёт счастье!
- Вест. Пусти меня! Твой сын без щитоносца там!
- Иок. Скрываешь ты беду, таишь её во мраке!
- Вест. Зачем же отравлять хорошее плохим?
- Иок. Отсюда ты уйдёшь, лишь улетев по небу!
- Вест. Ай-ай! Зачем же ты меня не отпустила,
весть добрую узнав? Зачем ты горя просишь?
Сыны задумали постыднейшее дело –
друг с другом смертный бой, не вмешивая войско.
Они сказали речь аргивцам и кадмейцам,
которой вовсе бы произносить не нужно.
Так начал Этеокл, взойдя на гребень башни,
обеим армиям подав сигнал к молчанью:
«Военачальники земель и стран элладских,
данайцы знатные, пришедшие к нам биться,
и славный Кадмов род! Ни ради Полиника,
ни ради прав моих вы не торгуйте жизнью!
Опасность эту сам от вас я удаляю
и брата моего зову на поединок!
Убив соперника, я буду царством править,
а если смерть приму, то всё ему оставлю!
Мужи аргивские, довольно вам сражаться,
ступайте по домам и не рискуйте жизнью!
Уже хватает нам лежащих тут спартанцев!»
Так речь он завершил. А Полиник твой сразу
из строя выбежал и вызов брата принял.
Гул одобрения издали тут аргивцы
и кадмовы бойцы, считая дело правым.
Тут мир был заключён, и, стоя между армий,
логархи поклялись держаться договора.
Доспехи чистые, сплошь медные, надели
сыны Эдиповы, седого старца семя.
Друзья им помогли: вождю державы этой –
спартанцы знатные, другому – цвет данайцев.
Они все светятся, в лице не изменяясь,

горя желанием друг в друга бросить копья.
 Обоих, подойдя, друзья приободряли
 словами смелыми, и так им говорили:
 «Ты должен, Полинник, дубовый идол Зевса
 воздвигь на страх врагам, и тем прославить Аргос!»

А Этеоклу же: «За город свой ты бьёшься.
 Став победителем, возьмёшь надолго скипетр!»
 Так обращались к ним и биться понуждали.
 Жрецы влекли овец, их резали, глядели
 в огонь, не треснул ли, дрожит ли, предвещая
 беду, и что сулит, какой из двух исходов,
 корона жгучая – победу или гибель.

Но если у тебя есть сила, мудрость речи,
 заклятий волшебство – иди, от страшной битвы
 отговори детей, огромна ведь опасность,
 награда же мерзка. Наплачешься ты вдоволь,
 обоих сыновей в единый день лишившись!

Иок. Дочь, выйди из дому! Ты слышишь, Антигона?
 Не хороводами, не девичьим весельем
 должна ты выполнять предназначенье божье,
 но доблестных мужчин, твоих родимых братьев,
 и ты, и мать твоя должны спасти от смерти,
 чтоб им теперь не пасть, не погубить друг друга!

Ан. Ах, мать родимая, какой бедой нежданной
 пугаешь ты родных у самой двери дома?

Иок. Ах, дочь! Уходит жизнь твоих любимых братьев!

Ан. О чём ты? Иок. Предстоит на копьях им сражаться!

Ан. Как это, милая? Иок. Всё плохо! Да пойдём же!

Ан. Куда? Из девичьей? Куда идти мне? Иок. К войску!

Ан. Стыжусь я быть в толпе! Иок. Теперь не до приличий!

Ан. Что проку от меня? Иок. Ты ссору братьев кончишь!

Ан. Но как же, мама? Как? Иок. Со мной падёшь им в ноги!

Ан. Тогда меж ратями веди меня! Не медли!

Иок. Скорей! Скорей же, дочь! Успев к началу боя
 и копьё удержав, ещё вкушу я солнца!

Помедлив, пропадём! Тогда и ты погибнешь,
 и я умру с детьми, и лягу вместе с ними!

Хор Ай-ай! Ай-ай! Я от страха дрожу,
 страхом сердце свело, и по плоти моей
 жалость, жалость к матери несчастной бежит!
 Кто же из двоих детей кровь брата прольёт?
 Как муторно мне!
 О, Зевс! Матерь Гея!
 Родная гортань, родная душа!
 Расколот щит, струится кровь!
 Ах, горе мне, злосчастной!
 Над кем же из них, убиенным, я слёзы пролью?
 Ах, Зевс! Ах, Зевс! Эти двое зверей,

две убийцы-души потрясают копьём,
 трупы, трупы кровью поле битвы зальют!
 Бедные, да как же вы решились на бой?
 Я варварский крик,
 я стон безутешный,
 мой дар мертвецам, в слезах утоплю!
 Подкрался рок! Тут, рядом, смерть!
 Что ждёт нас, меч рассудит!
 Злосчастно, злосчастно убийство, Эриниев труд!

Я теперь Креонта вижу. Весь насупленный, угрюмый,
 прямо к дому он подходит, я поэтому смолкаю.

Кр. И что же делать мне? Оплакивать пристало
 себя ли, город ли, туманом окружённый,
 как будто Ахеронт мы все пересекаем?
 Мой сын за родину отважился погибнуть
 и тем прославился, а мне принёс лишь горе.
 Я, бедный, только что самоубийцу-сына
 забрал с драконьих круч вот этими руками.
 А дома плач стоит. Решил прийти я, старый,
 к сестре своей родной, старухе Иокасте,
 чтоб сына мёртвого обмыть и приукрасить.
 Живому следует заботой об умерших
 почтенье проявлять к подземному владыке.

Хор Сестра твоя, Креонт, из дома отлучилась,
 а вместе с матерью пошла и Антигона.

Кр. Куда же и зачем? Скажи мне, что тут было?

Хор Был слух, что сыновья на копьях будут биться,
 щиты свои сшибать, оспаривая царство.

Кр. Да что ты говоришь! Возлюбленного сына
 земле я предавал и ничего не слышал!

Хор Отправилась давно сестра твоя, однако.
 Я думаю, Креонт, что сыновья Эдипа
 уже закончили свой смертный поединок.

Кр. Ах, боги! Вижу я, что так оно и стало!
 К нам вестник близится. Лицо его угрюмо,
 глаза потухшие. Сейчас он всё расскажет.

ВТОРОЙ ВЕСТНИК

Ах я бедный! Что сказать мне? Что за плач издать печальный?

Хор Нам конец! Такие речи не сулят большого счастья!

Вест. Ах я бедный, повторяю! Скверные несу я вести!

Кр. В дополнение к известным! Что сказать ты нам собрался?

Вест. Что сестра твоя лишилась сыновей, Креонт, обоих!

Кр. Ай-ай!

Ты о страшной беде мне и граду кричишь!

О ты, Эдипов дом! Ты слышал ли, как ныне
 двух сыновей твоих одна судьба настигла?

Хор Дом сам бы зарыдал, когда б он был разумным!

Кр. Ах, что́ за беда злосчастнейшая!
Как всё черно во мне! Как сильно я страдаю!

Вест. Не знаешь ты ещё о прочих злосчастеньях!

Кр. Да разве может быть ужаснее несчастье?

Вест. Сестра твоя мертва! Пошла за сыновьями!

Хор Поднимем же плач горестный!
Ударим рукой белой голову!

Кр. Страдалица-сестра! Что за конец и жизни
напела Сфинкс тебе, и браку, Иокаста!
Как двое юношей друг друга умертвили
из-за проклятия Эдипова? Скажи мне!

Вест. Ты, верно, про успех в сражении у башен
слыхал. Извивы стен не так уж далеки,
чтоб ты не смог узнать о том, как было дело.
Продолжу я. Надев своих доспехов медь,
вступили сыновья увядшего Эдипа
на поле ровное, меж выстроенных войск,
при двух воителях, двух доблестных стратегах
готовясь бой начать, сражение копьём.
Встав к Аргосу лицом, так Полиник молился:
«О, Гера-госпожа! Я твой, ведь в жёны взял
Адрастову я дочь, в твой город жить приехал!
Дай брата мне убить, обрызгай длань мою,
врагов разящую, победоносной кровью!»
Так брата он менял на мерзостный венец.
У многих вызвала молитва эта слёзы,
переглянулись мы и опустили взор.
А Этеокл на храм Паллады златоцитной
глядел и говорил: «Дочь Зевсова, метни
рукой моей копьё, дающее победу
великолепную, в грудь брата моего,
сюда пришедшего мою отчизну грабить!»
Вот звуком вспыхнула тирренская труба,
дающая сигнал к началу поединка,
и братья бросились друг друга убивать,
свирепо скаля рты, как пара диких вепрей,
и пеной капая с темнеющих бород.
Они трясли копьём, щитами заслонялись,
чтоб с них соскальзывал отточенный металл,
и, если глаз врага над кромкой появлялся,
кололи сразу же, победу торопя.
Но глаз вновь прятался за смотровым отверстием,
и выпады копья не попадали в цель.
Катился градом пот со зрителей сильнее,
от страха за друзей, чем с бьющихся самих.
Ногою Этеокл ему мешавший камень
отбросил, выставив её за край щита,
и тут же Полиник, не упуская случай
пустить железо в ход, нанёс по ней удар.

Копьё аргивское насквозь пронзило голень,
 вскричали радостно данайские войска,
 но Полиник открыл, когда рукою двигал,
 плечо, и раненый вонзил ему копьё,
 как мог сильнее, в грудь, отраду возвращая
 кадмейским гражданам, ломая остриё.
 Оставшись без копья, попятился назад он,
 булыжник белый взял, метнул, копьё врага
 сломал напополам. Арес теперь был равным,
 не оставалось ведь копья ни у кого.
 Но выхватив мечи, сжимая рукояти,
 вновь сблизились они, щитами сшиблись звонко
 и начали кружить, друг друга ударяя.
 Тут вспомнил Этеокл один приём, который
 он как-то выучил, гостя у фессалийцев.
 Сражаться перестав, он отступил немного,
 на ногу левую оперся, наблюдая
 за животом врага, где впадинка темнела,
 и, правой вдруг шагнув, вонзил своё оружие
 и в пуп, и в позвонки одним ударом ловким,
 и бедный Полиник, живот согнув, дрожащий
 всем телом, рухнул ниц в обильных брызгах крови.
 Противник, думая, что одержал победу,
 меч бросил и снимать доспехи начал с брата
 неосмотрительно тем делом поглощённый,
 и погубил себя, ведь враг, ещё дышавший,
 в падении горестном свой меч не уронивший,
 с трудом поднял его и в печень Этеоклу
 вознил, и тот упал, касаясь Полиника.
 И вот, кусая прах, лежат они бок о бок,
 два умирающих, не поделивших царство.

Хор Как я скорблю, Эдип, твои несчастья видя!
 Теперь, наверно, бог исполнил все проклятья!

Вест. Узнай, однако же, и о дальнейших бедах.
 Ища своих детей, во прахе умиравших,
 их мать несчастная, вбежавшая внезапно
 с их девушкой-сестрой порывистой стопою,
 увидев сыновей, смертельные их раны,
 вскричала: «Деточки! Пришла я слишком поздно
 помочь вам!» Падая на них поочерёдно,
 рыдала, молвила, что их кормила грудью,
 что их растила зря. Сестра стенала тоже:
 «Вы, братья милые, и маму пожилую,
 и брак мой предали!» Уже едва дышавший,
 правитель Этеокл родную мать услышал
 и к ней притронулся обмякшею рукою,
 ни звука не издав, одними лишь глазами,
 слезами полными, любовь к ней выражая.
 И Полиник, живой, сестру свою увидев
 со старой матерью, сказал слова такие:

«Всё, мама, кончено. Мне жаль тебя, родная,
 жаль милую сестру и гибнущего брата.
 Он стал моим врагом, но мы одной с ним крови.
 Вы, мама и сестра, меня похороните
 в земле отеческой, вы успокойте город,
 сердитый на меня, чтоб я обрёл хоть малость
 земли моей родной, утратив дом навечно.
 Ты веки мне сомкни своей рукою, мама –
 он попытался сам ладонью материнской
 прикрыть себе глаза – прощайте! Всё темнеет.»
 И свой злосчастный дух тут оба испустили.
 Когда увидела их мать такое горе,
 пришла в отчаянье, меч мёртвого схватила
 и страх что сделала! Себе в мякину горла
 вонзила лезвие и, содрогаясь, пала
 на сыновей своих, обняв тела руками.
 Вскочили воины. Все наши закричали,
 что победителем остался мой хозяин,
 а те – что брат его. Ругались полководцы,
 один – что Полиник ударил брата первый,
 другой – что мертвецам не присуждают лавры.
 От войска отошла тихонько Антигона.
 Все за оружие! По воле провиденья
 кадмейцы от щитов недалеко сидели,
 и мы набросились на армию аргивцев,
 они же не смогли от нас оборониться.
 Никто не устоял, враги покрыли землю
 бегущею толпой! Хлестала кровь с убитых,
 пронзённых копьями! Когда мы взяли поле,
 одни поставили победный идол Зевса,
 другие, сняв щиты с поверженных аргивцев,
 несли внутрь города оружие и доспехи,
 а прочие взялись, как Антигона, мёртвых
 по семьям разносить, чтоб каждый был оплакан.
 Так беды родины закончились прекрасно
 для многих горожан, для прочих же – несчастно.

- Хор Нам уже не по слухам известны
 беды этого дома – мы видим
 трёх убитых, лежащих у входа
 во дворец, меж собой разделивших
 смерть и время скитаний во мраке.
- Ан. Не покрывая ни щёк моих нежных, кудрями увитых,
 ни, хоть и стыдно мне, девушке, век моих
 грузных, пурпурных, лица покрасневшего,
 мчусь я бесстыдно, вакханка покойников,
 сбросив покров, обрамлявший мне волосы,
 и распуская шафранную роскошь одежд,
 перед процессией, с громкими стонами. Ай-ай! Ах, горе!

Ах, Полиник мой! Ты правильно назван был! Фивы, увы!
 Спор твой – не спор, но лишь кровь, с кровью смешана –
 дом ты Эдипов разрушил враждой своей,
 бойней ужасною,
 бойней жестокою!

Что за стройный
 крик я издам, будто созданный музами,
 слёзы к слезам, о, мой дом, дом возлюбленный,
 здесь призывая,
 мёртвых неся, всех троих моих родичей,
 маму и братьев, на радость Эринии,
 прежде уже дом Эдипов разрушившей,
 в день, когда понял он
 гибким умом суть загадки запутанной
 Сфинкса, на гибель певички безжалостной!
 Что за горе!

Гречанка ли, варварка ли,
 древних семей знатная дочь
 терпела ли так много зол
 в кровопролитии людском,
 столько всезримых скорбей?
 Как, бедная, рыдает!
 Что за птица средь листвы,
 в кроне дуба или ели запоёт,
 крику девушки, лишённой
 любимой матери, вторя?
 Тягостный стон я издаю,
 плачу о них, близких моих,
 сырой мой век я проведу в горьких слезах!
 Как тошно мне!

На кого брошу я
 локон мой, первый дар жертвенный?
 Может, на мать? Или на двойню грудей,
 млеко нам давших?
 Или на братьев,
 мёртвых, израненных жестоко?

О-то-то-той! Ты покинь
 свой дом во тьме полых глазниц,
 старик отец, и горе
 тяжёлой судьбы яви нам, Эдип!
 Чёрную темень на очи набросивший,
 ты в доме влачишь свой тягостный век!
 Ты слышишь ведь, меря
 двор дряхлой стопою,
 а, может, вздремнув
 на ложе несчастном?

ЭДИП

Зачем слепца, сжимающего посох,
дочь, ты к свету вызываешь?
Лежавший на постели в тёмной спальне,
вышел я на плач твой горький!
Соткан я из эфира, дух седой,
подземный мертвец,
сон легкокрылый!

Ан. Весть ты получишь, отец, безотрадную!
Свет ни дети твои уж не видят,
ни супруга твоя, что трудилась,
посохом став для тебя и слепые стопы направляя!
Бедный отец мой!

Эд. Горе какое! Теперь накричусь я, теперь нарыдаюсь!
Три души какой же судьбой
скрылись от солнца? Рассказывай, милая!

Ан. Без порицанья, злорадства не ведая,
с болью скажу тебе: демон твой мстительный
с целой грудой мечей,
с пламенем, с битвами страшными на сыновей твоих вышел!
Бедный отец мой!

Эд. Ай-ай! Ан. Чего ты застонал?

Эд. Дети! Ан. Как страдаешь ты!
Если бы солнце увидел ты, мчащее
на четверной колеснице, и если бы
светом очей ты окинул покойников...

Эд. Ясно мне зло, сыновей погубившее.
Дочь, а жену мою бедную что за кончина постигла?

Ан. Умоляя и прилюдно зарыдав,
их сжимала, прижимала
к умоляющей груди.
Мать у Электриных врат увидала их,
там, среди луга, кормящего лотосы,
копья скрестивших в бою.
Словно пещерные львы разъярённые,
грызлись они, возлиянье смертельное
совершая уж стынущей кровью своей,
в жертву Аиду Аресом расплёсканной!
Взяв меднокованный меч у погибших, его погрузила
в тело своё и упала, скорбя, на детей бездыханных!
Все эти беды за день лишь единственный
волею бога, отец мой, сгустились и грянули
над родимым домом!

Хор Как много зла принёс Эдиповому роду
минувший этот день! Да будем мы счастливей!

Кр. Довольно сетовать! Пора уже подумать
о погребении. Эдип, а ты послушай!
Мне сын твой, Этеокл, дал власть над этим царством,
как часть приданого, когда Гемон женился

на дочери твоей, царевне Антигоне.
Тебе я не могу позволить здесь остаться.
Тиресий ясно ведь сказал, что этот город
не будет счастья знать, пока живёшь ты с нами.
Давай, готовься в путь! Я это не по злобе,
не по вражде сказал, но в страхе за отчизну,
чтоб демоны твои ей больше не вредили.

- Эд. Судьба, в какое зло я был тобою брошен
с начала самого! Кто был таким несчастным?
Ещё из матери не вышел я на солнце,
как Лаю Аполлон прорёк, что суждено мне
отцеубийцей стать. Ах, бедный я, несчастный!
Едва я начал жить, мой собственный родитель
решил меня убить, соперником считая,
губителем своим! Он мальчика грудного,
как пищу жалкую, зверям скормить задумал!
Меня тогда спасли. Зачем в бездонный Тартар,
во тьму весь Киферон тогда не провалился?
Он не сгубил меня, и был я вскоре послан
судьбой к Полибию, на рабскую работу.
Отца потом убив, возлѣг я, горемычный,
на ложе матери моей многострадальной
и братьев-сыновей родил, и погубил их,
проклятья Лаевы отдав своим же детям!
Но не настолько я лишѣн благоразумья,
чтоб и глазам своим, и сыновьям вредил я
без подстрекательства какого-нибудь бога!
Однако что же мне, злосчастному, поделать?
Слепой стопе моей кто станет провожатым?
Вот эта мѣртвая? Живой она пошла бы.
Два сына доблестных? Со мною нет их больше.
Неужто я так юн, что сам сумею выжить?
Но как? Зачем, Креонт, меня совсем ты губишь?
Ты ведь убьѣшь меня, прогнав из государства!
Но я не обхвачу в мольбе твои колени,
не уроню себя, и знатности минувшей
трусливо не предам, пусть мне теперь и плохо!
- Кр. Прекрасно сказано. Колен ты не обхватишь,
а я не допущу, чтоб жил ты в этом царстве!
Теперь о мертвецах. Вот этого нам нужно
поднять и в дом нести, а вон того, который
захватчиков привѣл в наш город, Полиника,
за городской чертой, без погребенья бросьте!
И пусть глашатаи объявят всем кадмейцам:
любой, кто этот труп гирляндами украсит,
кто погребѣт его, получит смерть в награду!
Без слѣз, без похорон, пускай он птиц накормит!
А ты свой плач тройной закончи, Антигона,
и возвращайся в дом, и в дѣвичьих покоях
сиди себе и жди, когда твой день наступит

- и выйдешь замуж ты за моего Гемона.
- Ан. Отец, в какой беде мы, бедные, погрязли!
Я плачу по тебе сильнее, чем по мёртвым,
ведь не страдаешь ты тут меньше, там сильнее,
но полностью, отец, несчастьем ты охвачен!
Хочу тебя спросить, властитель новодельный:
отца ты моего зачем теснишь и гонишь,
законы создаёшь над трупом горемычным?
- Кр. То Этеоклово, а не моё решенье.
- Ан. Один глупец решил, другой же выполняет!
- Кр. Как? Разве можно нам не следовать приказам?
- Ан. Отнюдь, но не дурным, не безрассудно данным!
- Кр. Не правильно ль скормить вот этого собакам?
- Ан. Нет, наказание такое незаконно!
- Кр. Он враг был городу, пускай и не с рожденья.
- Ан. Неужто он уже судьбою не наказан?
- Кр. Пускай накажется и смертью без могилы!
- Ан. Преступно ль требовать кусок земли своей же?
- Кр. Пойми ты, что земли покойный не получит!
- Ан. Я погребу его, и не указ мне город!
- Кр. Тогда уж и себе могилу рядом вырой!
- Ан. Что ж, славно двум родным покоиться бок о бок!
- Кр. Эй вы, схватить её и отвести в покои!
- Ан. Не смейте! Руки прочь! Я не оставлю брата!
- Кр. Судьба не так, как ты, родимая, решила!
- Ан. Но было решено и не бесчестить мёртвых!
- Кр. На этот труп никто земли не бросит влажной!
- Ан. Нет! Матерью, Креонт, клянусь я, Иокастой!
- Кр. Напрасно трудишься! По-твоему не будет!
- Ан. Позволь хотя бы мне омыть водою тело!
- Кр. Нет! Это городу я тоже запрещаю!
- Ан. Позволь перевязать зияющие раны!
- Кр. Нет! Не выказывай покойнику почтение!
- Ан. Тогда, любимый брат, к твоим устам прильну я!
- Кр. Нет! Плачем на свой брак накличешь ты несчастье!
- Ан. Что ж это? Я живу, чтоб сын твой стал мне мужем?
- Кр. Куда ты денешься? Придётся, дорогая!
- Ан. Одной из Данаид в ночь брачную я стану!
- Кр. Вы посмотрите-ка! Дерзит и не боится!
- Ан. Зову в свидетели вот этот меч железный!
- Кр. Зачем так яростно свой брак ты отвергаешь?
- Ан. С отцом несчастнейшим отправлюсь я в изгнанье!
- Кр. Да, благородна ты, но и глупа немножко!
- Ан. Погибну я с отцом, узнай теперь и это!
- Кр. Ты сына не убьёшь! Иди! Покинь мой город!
- Эд. Спасибо, доченька, за рвение такое!
- Ан. На что мне брак, отец? Чтоб ты один скитался?
- Эд. Живи тут счастливо, а с горем сам я справлюсь.
- Ан. Ты ведь слепой, отец! Кто за тобой присмотрит?
- Эд. Там, где судьба решит, я и свалюсь на землю.

- Ан. Таков ли наш Эдип с загадкой знаменитой?
 Эд. Погиб я! В тот же день и воспарил, и рухнул!
 Ан. Но не должна ли я делить твои несчастья?
 Эд. Позорно дочери с отцом слепым скитаться.
 Ан. Когда в ней ум, отец, то это благородно!
 Эд. Я к матери твоей притронуться хотел бы.
 Ан. Я отведу тебя. Коснись старушки милой!
 Эд. Ах, мама! Ах, жена! Как ты была несчастна!
 Ан. Лежит, страдальца. На ней все беды сразу.
 Эд. Где мёртвый Этеокл? Где Полиник мой павший?
 Ан. Тут, на земле они, один вблизи другого.
 Эд. Рукой моей слепой до бедных лиц дотронься!
 Ан. Конечно. Прикоснись к своим умершим детям!
 Эд. Злосчастливого отца злосчастные созданыя!
 Ан. Брат милый, Полиник! Возлюбленное имя!
 Эд. Вот слово Локсия, родная, и свершится!
 Ан. Какое? Новых бед ты к старым прибавляешь?
 Эд. Что я бродягою в Афинах жизнь окончу!
 Ан. А где? В какой оплот аттический войдёшь ты?
 Эд. В Колон священнойший, где конный бог владычит.
 Пойдём, однако же. Служи отцу слепому,
 раз хочешь ты и впрямь делить его изгнанье.
- Ан. Изгнанье горькое! Дай милую мне руку,
 старик-отец! Я тут, с тобой,
 как рядом с кораблём попутный ветер.
- Эд. Гляди!
 Иду я, дочь! А ты мне стань
 тоскующим проводником!
- Ан. Я стала им, я стала им,
 несчастьем превзошла всех девушек фиванских!
- Эд. Где шагнуть ступнёю дряхлой?
 Посох, дочь, куда нести?
- Ан. Ты сюда, сюда иди!
 Ногу ставь сюда, сюда!
 Ты, как сон, бессилён!
- Эд. Ах, боже мой! В бедственном изгнании
 скитаться, старому, без родины!
 Ах, боже мой! Ад какой терплю я!
- Ан. Терплю? Терплю? Нет, Закон не видит злых,
 и за глупости не судит он людей!
- Эд. Ведь это я был вознесён
 победным гимном к небесам,
 девы-зверя разгадав
 мудрёную загадку!
- Ан. Сфинкса вновь ты упрекаешь?
 Лучше об ушедшем счастье вспомни!
 Впереди большие беды!
 Ты, отец, вдали от дома
 где-нибудь погибнешь!

- Пусть слёзы горькие текут из глаз подруг,
а я покину край родной, скитаясь,
хоть это стыдно девушке!
- Эд. Что за драгоценный дух!
Ан. В злополучиях отца
обрету я славу!
Как горек мне твой стыд! Поруган мёртвый брат,
лишён своей родины, непогребён!
Пусть я умру, отец, но будет он лежать,
бедный, в чёрной земле!
- Эд. Иди молись у алтарей,
своим подругам покажись!
- Ан. Хватит им уже моих
жалоб и всечасных бед!
- Эд. Пойдём же к Бромии, в чертог
нехоженный, к менадам гор!
- Ан. Надевала уже
я небриду кадмейскую, и на горах,
чтоб Семелу почтить,
хоровод вела священный,
на богов трудясь неблагодарно!
- Эд. Граждане отчизны славной, посмотрите! Вот Эдип ваш,
знаменитую загадку разгадавший, муж великий!
Я, пресёкший в одиночку кровожадность девы-Сфинкса,
ухожу теперь в изгнанье, обесчещенный и жалкий!
Но зачем стонать мне горько? Для чего скорбеть напрасно?
Смертному терпеть пристало всё, что послано богами!
- Хор О, великая, славная Ника,
жизнь мою ты возьми под крыло
и венки мне вручай непременно!

Москва– Брисбен, 11.01.2016-21.04.2017